

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ
FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259

EDN: SJYSCC

УДК 821.161.1-31Достоевский+811.111(73)+94(470)"17"

Научная статья / Research article

**Отражение творчества Ф.М. Достоевского
в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!»**

Ю.А. Романов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ romanov-yua@rudn.ru

Аннотация. В рамках сопоставительного анализа творчества Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера рассмотрена реализация архетипической модели сознания и поведения «человека из подполья» (нашедшей свое наиболее полное воплощение в образе героя-рассказчика повести Достоевского «Записки из подполья») в характере Томаса Сатпена – главного героя романа Фолкнера «Авессалом, Авессалом!». Отмечается факт появления устойчивой ассоциации творчества Фолкнера с романами Достоевского уже к началу 1940-х гг., давшей впоследствии импульс для ряда сопоставительных исследований не только в западной литературной критике, но и (позднее) в отечественном литературоведении. Черты человека из «подполья» (неприятие Божьего мира, Человекобожество, осознание своего несоответствия идеалу, жестокая самоказнь и эстетизация ее, нравственное отчуждение и духовный распад) реализованы во многих героях произведений Достоевского и Фолкнера (Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Аркадий Долгорукий, Иван Карамазов; молодой Баярд Сарторис, Квентин Компсон, Джо Кристмас). Относительно Томаса Сатпена в критике давно уже устоялось мнение о том, что, рассматривая таких героев Достоевского, как Раскольников и Аркадий Долгорукий, можно практически во всех деталях увидеть его портрет-прообраз. В данной исследовании, учитывая то, что в характере Томаса Сатпена воплощено «подполье» «ставрогинского» типа (без самоказни героя за собственное несоответствие идеалу), проведено сопоставление Ставрогин – Сатпен. Николай Ставрогин совершал чудовищные злодеяния ради эстетизации своего безнравственного бытия. Томас Сатпен, стремившийся любой ценой основать свою династию, шел на любые преступления для достижения своей цели. Но оба героя, поправ чувства людей, выпали из человеческого рода и потерпели сокрушительное поражение.

Ключевые слова: компаративные исследования, архетип, «человек из подполья»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Романов Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 15 января 2024 г.; отрецензирована 15 марта 2024 г.; принята к публикации 15 апреля 2024 г.

Для цитирования: Романов Ю.А. Отражение творчества Ф.М. Достоевского в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 251–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259>

Reflection of the works of F.M. Dostoevsky in W. Faulkner's novel "Absalom, Absalom!"

Yuri A. Romanov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ romanov-yua@rudn.ru

Abstract. As part of comparative studies of the works of F.M. Dostoevsky and W. Faulkner, the implementation of the archetypal pattern of “underground” thinking and behaving (most completely embodied in the narrator of Dostoevsky’s novella “Notes from Underground”) in the character of Thomas Sutpen, the main character of Faulkner’s novel “Absalom, Absalom!”, is considered. The mere appearance of a stable association of Faulkner’s works with Dostoevsky’s novels by the early 1940s which subsequently gave impetus to a number of comparative studies not only in Western literary criticism but also (later on) in national literary studies is noted. The traits of the Underground Man (non-acceptance of God-created world, Man-god consciousness, awareness of inconsistency with Man-god ideal, cruel self-punishment and aesthetization of it, moral alienation, and spiritual decay) are realized in many characters of Dostoevsky and Faulkner (Raskolnikov, Svidrigailov, Ippolit Terentyev, Stavrogin, Arkady Dolgoruky, Ivan Karamazov; young Bayard Sartoris, Quentin Compson, Joe Christmas). As for Thomas Sutpen, the opinion has long been established in criticism that considering such characters of Dostoevsky as Raskolnikov and Arkady Dolgoruky, one can discover a portrait, which prefigures his character in almost every detail. In this study, given that Thomas Sutpen is the bearer of the “underground” of the “Stavrogin” type (without self-punishment for inconsistency with the ideal), a comparison between Stavrogin and Sutpen is made. Nikolai Stavrogin committed monstrous crimes for the sake of anesthetization of his immoral existence. Thomas Sutpen who sought to establish his dynasty at any cost went to any crime to achieve his goal. But both of them, trampling on the feelings of people, fell out of the human race and suffered a crushing defeat.

Keywords: comparative studies, archetype, Underground Man

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 15, 2024; revised March 15, 2024; accepted April 15, 2024.

For citation: Romanov, Yu.A. (2024). Reflection of the works of F.M. Dostoevsky in W. Faulkner’s novel “Absalom, Absalom!”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 251–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259>

Введение

Обладая ярким литературным талантом, выдающийся американский писатель Уильям Фолкнер прокладывал свой путь в литературу, несомненно, усваивая достижения великих предшественников; по его же собственно-

му сравнению, это происходило подобно тому, как «плотник, работая учеником, изучает работу мастера» (Фолкнер, 1985, с. 126). В литературной «учебе» подобного рода немалая роль принадлежала русской классике – как отмечала в своем эссе «Русские реалисты и южная литература» (1941) яркая представительница «южной традиции» в литературе США Карсон Маккаллерс, вся современная «южная» проза (в которую к тому времени уже внес свой весомый вклад в том числе и Фолкнер) казалась ей наиболее обязанной русской литературе; казалась порождением русских реалистов, таких как Достоевский, Толстой, Чехов и др. (McCullers, 2005). При этом влияние творчества Ф.М. Достоевского на художественный мир У. Фолкнера отмечалось уже ранее: известная в 1920–1930 гг. американская писательница Эвелин Скотт в эссе, посвященном роману Фолкнера «Шум и ярость», сравнивала одного из его персонажей, Бенджи, с главным героем романа Достоевского «Идиот» еще в 1929 г. (Scott, 1982, p. 116); в том же году Лайл Саксон, писатель и журналист, работавший в газете „The Times-Picayune“ в Новом Орлеане, писал об авторе романа «Шум и ярость», что многие сочтут его сумасшедшим, однако если он и одержим безумием, то в той же мере, что и Достоевский (Saxon, 1982, p. 82); в 1931 г. британский писатель Дерек Петмор, оценивая «Шум и ярость» со сходных позиций (как исследование безумия) и отмечая, что темная угроза безумия поглощает жизни всех персонажей этой книги, разрушая их, в то же время признавал, что она обладает огромной силой и напоминает о Достоевском (Patmore, 1982). После выхода в свет романа «Святылище» американский журналист и литературный критик Джон Чемберлен, автор ревью «Тень Достоевского на глубоком Юге», отмечал, что этот роман Фолкнера более близок «Братьям Карамазовым», чем какой-либо американской книге (Chamberlain, 1931). В 1933 г. в своем отклике на роман Фолкнера «Свет в августе» (1932) влиятельный английский литературный критик Фрэнк Реймонд Ливис рассматривал образ героя романа Джо Крестмаса в контексте проблематики Достоевского (Leavis, 1933, p. 92). В эссе, опубликованном в феврале 1938 г., Жан-Поль Сартр писал о «человеке» Фолкнера, что о нем можно думать так же, как о «человеке» Мередита – как о божественном животном, живущем без Бога, потерянном с момента своего рождения, стремящемся разрушить себя и затем чудесным образом спасающемся в последние минуты, предшествующие смерти (Sartre, 1985, p. 142).

Таким образом, уже к началу 1940-х гг. в западной литературной критике творчество Фолкнера устойчиво ассоциировалось с романами Достоевского, что впоследствии дало импульс для целого ряда сопоставительных исследований (работы К. Абернати (K. Abernathy), М. Блоштейн (M. Bloshteyn), Э. Брикера (E. Bricker), Э. Васиолека (E. Wasiolek), Ж. Вайсгербе (J. Weisgerber), А. Герарда (A. Guerard), Дж. Келлогга (J. Kellogg), А. Писани (A. Pisani), Л. Роммель (L. Rommel), Дж. Смита (J. Smith), Р. Чеппля (R. Chapple) и др.); в отечественном литературоведении влияние творчества Достоевского на художественный мир Фолкнера и традиции рус-

ского классика, воплотившиеся в нем, отмечались в трудах Н.А. Анастасьева, А.В. Банах-Маникиной, Б.Т. Грибанова, В.А. Костякова, А.Н. Николукина, П.В. Палиевского, Ю.А. Романова, Ю.И. Сохрякова, К.А. Степаняна и др. (о направлениях сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера см.: Romanov, 2021).

Сам Фолкнер, еще в юности мотивируемый своим наставником Филиппом Стоуном (а позднее – и Шервудом Андерсоном (Bloshteyn, 2004, p. 72)), несомненно, читал произведения русской классики и, конечно же, Достоевского, о значимости которого позднее (во время беседы со студентами и преподавателями в Виргинском университете 13 марта 1957 г.) недвусмысленно заявил: «Он не только сильно повлиял на меня – я получаю огромное удовольствие, постоянно перечитывая его, я перечитываю его примерно каждый год. Его мастерство, проникновение в человеческую душу, способность к состраданию делают его писателем, к которому хотели бы приблизиться многие, если бы могли. Он был одним из тех, кто оставил неизгладимый след» (Фолкнер, 1985, с. 289).

Обсуждение

Как указывает известный бельгийский компаративист Жан Вайсжербе, Фолкнер читал «Преступление и наказание» Достоевского до написания «Святынища» (1931); его «Сарторис» (1929), «Шум и ярость» (1929), «Когда я умирала» (1930) тоже отмечены «печатью» Раскольников (Weisgerber, 1968, p. 182). В другой своей работе (в известной книге «Фолкнер и Достоевский: влияние и слияние», впервые опубликованной на французском языке) Вайсжербе отмечает, что каталог библиотеки Фолкнера свидетельствует о его растущем интересе к русскому автору в 1931–1936 гг. – именно в эти годы она пополнилась такими произведениями Достоевского, как «Братья Карамазовы», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы»; однако исследователь не склонен преувеличивать важность подобных фактов, предпочитая опираться на «множественность аналогий» (Weisgerber, 1974, p. 228), выявляемых в ходе компаративного анализа творчества американского и русского писателей.

Что касается романа «Авессалом, Авессалом!», Вайсжербе упоминает слова дедушки Квентина Компсона на тему о страдании детей («дедушка привел цитату: „Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им“, и добавил: интересно, что господь бог хотел этим сказать? Если он хотел сказать, что детям приходится просить разрешения приблизиться к нему, то что же за землю он тогда создал? А если дети должны страдать, чтобы приблизиться к нему, то что же тогда у него за небеса?») в качестве аллюзии на аргументацию Ивана Карамазова против Бога, а также вопрос, обращенный к Квентину – «Почему ты ненавидишь Юг?» – как «гипотетическое» отражение восклицания Федора Павловича Карамазова: «Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию...» (Weisgerber, 1974, p. 236).

По мнению А.В. Банах-Маникиной: «Анализ рецепции Фолкнером романа „Братья Карамазовы“ и реализации семейной проблематики в романе Фолкнера „Авессалом, Авессалом!“ позволяет с достаточной степенью уве-

ренности говорить о созданной американским писателем модели, типологически сходной со „случайным семейством“ Достоевского, условно названной нами „разрушенным южным семейством“» (Банах-Маникина, 2006, с. 19).

В настоящем исследовании мы исходим из того, что в творчестве Достоевского (как и в произведениях Фолкнера) реализована модель сознания и поведения «подпольного» героя, ставшего «частью словаря современной культуры» и достигшего, подобно Гамлету, Дон Кихоту, Дон Жуану и Фаусту, «положения одного из величайших архетипических образов» (перевод наш. – Ю.Р.) (Frank, 1986, p. 310).

Слагаемые этой модели, ее алгоритм наиболее полно отражены в характере безымянного героя-рассказчика повести Достоевского «Записки из подполья», которую справедливо называют не только «пролегоменами ко всему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода» (Долинин, 1922, с. 323), но и «прологом к литературе XX в.» (Гарин, 1997, с. 112).

Наделенный трагическим восприятием жизни, обостренным вниманием к негативным ее сторонам, а главное – притязанием на Человекобожеское сознание, человек из «подполья» не принимает Божий мир, бунтует против него; миру, созданному Богом, противопоставляет идеалы «всего прекрасного и высокого» (Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 102), отводя себе роль Наполеона, способного изменить презренный мир согласно своей героической воле. Но осознавая собственное несоответствие идеалу, он жестоко казнит себя; при этом самоказнь переходит в болезненное эстетическое наслаждение. Отделенный от мира добровольным самоуничижением, он «манкировал свою жизнь нравственным растлением в углу, недостатком среды, отвычкой от живого и тщеславной злобой в подполье» (Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 178).

Модель «подпольного» сознания (Человекобожество, собственное несоответствие идеалу, жестокая самоказнь и эстетизация ее, нравственное отчуждение и духовный распад) реализована во многих персонажах произведений Достоевского (Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Кириллов, Аркадий Долгорукий, Версилов, Иван Карамазов); если рассматривать в рамках этого подхода творчество Фолкнера, то становится очевидным, что «подпольные» черты отражены в таких его героях, как, например, молодой Баярд Сарторис, Квентин Компсон, Джо Кристмас, Томас Сатпен.

В частности, в образе Раскольникова прослеживается практически весь алгоритм модели сознания и поведения «подпольного» героя. Не принимая Божий мир, Раскольников, еще «быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. <...> Был... как-то надменно горд и несообщителен... Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока...» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43). Оставив университет, проживая в своей «камерке», он «решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже

лицо служанки... возбуждало в нем желчь и конвульсии» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25–26). Таким образом, уже исходную ситуацию Раскольникова в сюжете романа можно назвать «подпольной». Не принимая Божий мир, Раскольников вынашивал идею о том, чтобы стать вровень с Наполеоном – сильной личностью, сверхчеловеком, способным властвовать над людьми и даже, во имя своих целей, распоряжаться жизнями. Но, совершив кровавое преступление, Раскольников оказался неспособным жить без нравственных страданий – так, как (по его представлению) мог жить Наполеон, не останавливавшийся перед кровью, – и, стало быть, проявил полное несоответствие своему идеалу. За это несоответствие он жестоко казнил себя, что привело его к еще большему отчуждению.

С наименьшей остротой «подпольная» матрица реализована и в образе центрального персонажа романа «Подросток» Аркадия Долгорукого. С ранних лет его отличало трагическое осознание человеческого неблагообразия, усиленное насмешками товарищей в пансионе у Тушара над его «подлым» происхождением. Противостояло трагедии бытия в сознании героя его страстное мечтательство под одеялом о «деспотическом могуществе», «уединенном и спокойном сознании силы», которое должно было настать с осуществлением идеи «стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 74, 66). При этом уединение становилось для Аркадия единственным исходом, независимо от собственной способности соответствовать идеалу. (Такие его высказывания, как: «Моя идея – угол. <...> ...моя идея именно в том, чтоб оставили меня в покое» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 48) – звучат вполне афористично.)

По мысли Ж. Вайсгербе, рассматривая данных героев Достоевского (Раскольникова, Аркадия Долгорукого), можно практически во всех деталях увидеть портрет-прообраз Томаса Сатпена (Weisgerber, 1974, p. 241) – бельгийский исследователь сопоставляет теорию Раскольникова, «ротшильдский» план Аркадия Долгорукого и план по достижению богатства и установлению династии Томаса Сатпена.

На наш взгляд, в характере главного героя романа «Авессалом, Авессалом!» Томаса Сатпена (как и в персонажах произведений Достоевского) отчетливо проявляется модель сознания и поведения человека из «подполья». Свообразие ее воплощения состоит в том, что у Томаса Сатпена «подполье» «ставрогинского» типа (без самоказни за собственное несоответствие идеалу), поскольку данный герой, как и Николай Ставрогин, отражает «притязание гордыни сатанинской» – «быть самому Богом, быть выше Бога» (Лосский, 1922, с. 68); скваттер Уош Джонс, знавший «мистера Тома» почти 20 лет, «смотрел на Сатпена и думал: *Прекрасный гордый человек. Если бы сам господь сошел с небес и стал ходить по матери-земле, он захотел бы быть таким, как он*» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 532) (здесь и далее курсив У. Фолкнера. – Ю.Р.). Подобно Ставрогину, не испытывавшему мук совести даже после такого чудовищного злодеяния, как «поstupок» с Матрешей (не мог он переносить только неэстетический «ее тогдашний вид»,

ее «образ» – «на пороге, с своим поднятым и грозящим <...> кулачком», ее «кивание головой»), а также и других (вскользь упомянутых) преступлений, которые «может быть получше и этого» (Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 22), Томас Сатпен не испытывает никакого чувства вины ни перед пятнадцатилетней внучкой преданного ему Уоша Джонса – Милли, ни перед самим Уошем, ни перед своими детьми – Генри и Джудит, ни перед сыном от первого брака – Чарльзом Боном, чью мать он «отстранил», «убедившись в ее несоответствии его замыслу» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 501) (в ее жилах текла негритянская кровь). Именно его действие (по раскрытию правды о Чарльзе для Генри) и бездействие (непризнание Чарльза как сына) привели к тому, что Джудит овдовела, не успев выйти замуж, а Генри стал убийцей своего брата, которого боготворил. Как пояснял Фолкнер, последнему нужно было лишь признание от отца (Томаса Сатпена), после чего он бы уехал; но старик боялся, что Чарльз этого не сделает, а это разрушило бы все, чему Томас Сатпен посвятил всю свою жизнь (Фолкнер, 1985, с. 354). Проявив намерение жениться на Джудит (отправка ей письма), которого раньше не проявлял (знание того, что в его жилах течет негритянская кровь, огорчило бы ее), он сознательно идет на самоубийство, с пронзительным трагизмом заявляя брату Генри на его искреннее « – Ты мой брат»: « – Ничего подобного. Я черномазый, который намеревается спать с твоей сестрой. Если ты меня не остановишь, Генри»; и, держа пистолет за ствол, протягивает рукоятку Генри с просьбой сделать это «сейчас» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 601).

Ставрогин совершал чудовищные злодеяния из неприятия Божьего мира и ради эстетизации своей безнравственной жизни. Последний свой бунт против Бога он осуществил (несмотря на боязнь самоубийства), сметая себя с земли «как подлое насекомое» с помощью молотка, куска мыла, большого гвоздя и крепкого шелкового «снурка», очевидно припасенных «про запас» (Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 514, 516).

Безнравственный и жестокий Томас Сатпен, стремившийся создать свой род, по словам Фолкнера, «убрал бы любого человека, который бы встал у него на пути»; эстетизм для него заключался в самой идее достичь богатства и основать династию, и к тому же этим он «отомстил бы тому слуге из Виргинии, который велел ему пройти через черный ход» (Фолкнер, 1985, с. 353), жестоко унизив его (знаковый эпизод у парадной двери плантаторского дома, когда ливрейный лакей отправил четырнадцатилетнего Сатпена (посланного с каким-то поручением) к заднему крыльцу, даже не выслушав его, что послужило отправной точкой для замысла плана по обретению богатства и бегства из дома ради его воплощения). Бесславная кончина Сатпена в округе Йокнапатофа была предопределена уже тогда, когда на его свадьбу с Эллен Колдфилд из сотни приглашенных почти никто не пришел – боясь и ненавидя Сатпена за его жестокость, люди не пришли на его свадьбу «просто потому, что они не хотели иметь» с ним «дело» (Фолкнер, 1985, с. 295).

Заключение

При реализации модели сознания и поведения «подпольного» героя в персонажах Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера в доминантной роли неизменно выступают такие качества, как Человекобожество и эстетизм. Человекобожество рождается от неприятия героем Божьего мира и притязания его сатанинской гордыни на то, чтобы самому быть Богом и даже выше Бога (Н.О. Лосский). В том случае, когда герой осознает тщетность притязания своей гордыни и (следовательно) собственное несоответствие идеалу, он предается жестокой самоказни, которая, хотя и носит эстетический характер и доставляет герою «решительное» наслаждение, ведет его к полной самоизоляции и обуславливает нравственную гибель. При кажущемся отсутствии противоречия между притязанием гордыни героя и его поведением в презираемом им мире у него возникает потребность в совершении омерзительных поступков для эстетизации своего безнравственного бытия. Именно таков Николай Ставрогин в романе Достоевского «Бесы»; таков и готовый на любые преступления Томас Сатпен в романе Фолкнера «Авессалом, Авессалом!». О герое, в образе которого отражены сознание и поведение человека из «подполья», можно сказать словами Фолкнера: такой герой «попирает чувства людей», «не понимает того, что сам принадлежит человеческому роду», «такие люди рано или поздно терпят поражение» и достойны «жалости» (Фолкнер, 1985, с. 295–296).

Список литературы

- Банах-Маникина А.В.* Тема «случайного семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского и ее рецепция в США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
- Гарин И.И.* Многоликий Достоевский. М.: ТЕРРА, 1997. 396 с.
- Долинин А.С.* Достоевский и Герцен // Статьи и материалы / Ф.М. Достоевский; под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 275–324.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л.: Наука, 1972–1990.
- Лосский Н.О.* О природе сатанинской // Статьи и материалы / Ф.М. Достоевский; под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 67–92.
- Фолкнер У.* Собрание сочинений: в 9 томах. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.
- Фолкнер У.* Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1985. 488 с.
- Bloshteyn M.R.* “Anguish for the Sake of Anguish” – Faulkner and His Dostoevskian Allusion // *The Faulkner Journal*. 2004. Vol. 19. No. 2. Pp. 69–90.
- Chamberlain J.* Dostoyefsky’s Shadow in the Deep South // *New York Times Book Review*. 1931, 15 February. P. 9.
- Frank J.* Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986. 395 p.
- Leavis F.R.* Dostoevsky or Dickens? // *Scrutiny*. 1933. Vol. II. No. 1. Pp. 91–93.
- McCullers C.* The Russian realists and southern literature // *The Mortgaged Heart. Selected Writings* / ed. by M.G. Smith. Boston – New York: A Mariner Book, Houghton Mifflin Company, 2005. Pp. 252–258.
- Patmore D.* A study in madness // *Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family* / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. P. 97.
- Romanov Yu.* The reflection of Dostoevsky’s Underground Man in Faulkner’s Sartoris // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9. No. 4. Pp. 1458–1472. <http://doi.org/10.15826/qr.2021.4.649>

- Sartre J.-P.* William Faulkner's Sartoris // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family / ed. by A.F. Kinney. Boston, 1985. Pp. 142–146.
- Saxon L.* A family breaks up // Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. Pp. 81–82.
- Scott E.* On William Faulkner's The Sound and the Fury // Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. Pp. 115–118.
- Weisgerber J.* Faulkner and Dostoevsky: Influence and confluence. Athens: Ohio University Press, 1974. 383 p.
- Weisgerber J.* Faulkner's monomaniacs: Their indebtedness to Raskolnikov // Comparative Literature Studies. 1968. Vol. 5. No. 2. Pp. 181–193.

Сведения об авторе:

Романов Юрий Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка № 2, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-7819-3119. E-mail: romanov-yua@rudn.ru